

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

«Город да станица...»

***В ЛЕТОПИСЬ
ВЕКОВ
НА ПАМЯТЬ
ВЕЧНУЮ
И СЛАВУ...***

К 370-летию знаменитого Азовского сидения.
К 275-летию взятия города Донской флотилией.
К 130-летию со дня рождения Рудольфа Самойловича.

Книга первая

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2011

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 63
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 2,7**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

Книга «В летопись веков на доблесть вечную и славу...» рассказывает о становлении и дальнейшей истории города Азова.

*Тот подвиг дивный и кровавый,
Которым – в летопись веков –
На память вечную и славу
Внесён разрушенный Азов.*

Иван Никитин

*Шло донское войско на султана.
Табором в степи широкой стало,
И казаки землю собирали –
Кто мешком, кто шапкою бараньей.
В холм её, сырую, насыпали,
Чтоб с кургана мать полуслепая
Озирала степь из-под ладони:
Не пылят ли где казачьи кони?*

Дмитрий Кедрин

*И как же явственно Заступницы видение
Пришло на помощь в глубине веков,
Когда Азовское осадное сидение
Закончилось победой казаков.*

Зинаида Баева

СОДЕРЖАНИЕ:

Город трёх генералиссимусов.....
Ключ к синим водам.....
Смертию за веру покупают небо.....
Поход бомбардира Преображенской роты.....
Рождение Российского флота.....

Встречающиеся в тексте незнакомые слова поясняются в словаре в конце книги.

ГОРОД ТРЁХ ГЕНЕРАЛИССИМУСОВ

«Имя Азова – символа русских побед над Турцией, было... широко известно в Европе. Великий французский писатель Вольтер, которому русская императрица Екатерина II писала об Азове, в одном из своих романов поместил героев в Азовскую крепость. Турки, казаки, бегство из Азова на корабле – всё это было интересно просвещённой европейской публике в XVIII веке.

Азов был на слуху у всех, он олицетворял новые огромные южные русские земли.

Знаменитая княжна Тараканова, авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и претендовавшая на русский престол, именовала себя в бумагах «Принцесса Азовская».

Это строки из книги «Азов – город с тысячелетней историей». Автор – донской краевед Виктория Олеговна Бурлака.

А в XIX веке в честь маленького южного городка назовут линейный корабль Черноморского флота. И он известное имя не посрамит.

Наваринское сражение. 8 октября 1827 года этот 74-пушечный парусник уничтожит метким огнём пять вражеских кораблей, включая фрегат адмирала Ибрагима-паши.

Командовал этим славным парусным «Азовом» капитан 1-го ранга Михаил Петрович Лазарев. В том бою отличились и будущие герои Севастопольской обороны: Владимир Алексеевич Корнилов, Павел Степанович Нахимов, Владимир Иванович Истомин.

За успехи в Наваринском сражении «Азов» первым в истории российского флота был награждён Георгиевским кормовым флагом и вымпелом. И в честь прославленного парусника несколько кораблей российского флота назовут впоследствии «Память Азова».

Этот маленький южный городок отмечен событиями мирового масштаба так, как и столицам другим не снилось.

Например, из пяти российских генералиссимусов (четыре – до 17-го года и один – после) биографии троих связаны с нашим Азовом.

Генералиссимус – это самый б`ольший чин, стоящий вне системы офицерских чинов. Исторически – высшее воинское звание в Священной Римской империи, позднее – также в России и в Китае.

Вот 28 июня 1696 года – за успешные действия под Азовом – первым в стране и получил его воевода Алексей Семёнович Шеин. Правда, Фёдор Юрьевич Ромодановский и Иван Иванович Бутурлин назывались *«генералиссимусами потешных войск»* ещё двумя годами ранее; но эти звания давались юным Петром I, собственно – развлечения ради – и государственного статуса не имели.

Официально же в России чин генералиссимуса был введён Воинским уставом 1716 года и пожалован: князю Александру Даниловичу Меншикову; принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому (отцу несчастного младенца-императора Ивана VI); Александру Васильевичу Суворову и Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Если честно – только Александр Суворов был так поименован в полном соответствии с Воинским уставом, так как являлся графом Священной Римской империи, графом Российской империи, принцем Сардинского королевства и главнокомандующим австрийскими и сардинскими войсками.

Так вот, Алексей Шеин и два Александра – Меншиков и Суворов – бывали у азовских крепостных стен. С различными *«богоугодными и многосерьёзными»* миссиями.

Биография Азова – это увлекательный приключенческий роман с войнами, штурмами, разрушениями и расцветом, где действуют великие личности и народные массы. Цари, мятежники, злодеи, герои.

Биография Азова дольше и интереснее, чем большинства других городов России. Нигде в истории одного населённого пункта не смешиваются имена Тамерлана, Васко да Гамы и Петра I.

Уникальный город. За свою долгую историю он прошёл все формы цивилизации: был античным поселением, рыбацким посёлком, кочевым станом, восточным городом, европейской торговой факторией и военным форпостом. Побывал даже столицей – казачьей.

С его именем связано создание Российского флота. Триумфальные победы донского казачества и русского государства времён Петра, Анны Иоанновны и Екатерины II – это тоже Азов.

А геополитически – ещё и чрезвычайно удачное место, позволяющее контролировать основную часть торговли по Чёрному морю. Здесь проходила одна из нитей (северная, через Бухару и Астрахань) Великого Шёлкового пути из Западной Европы в Персию, Индию и Китай. Здесь строили свои фактории средневековые Венеция и Генуя, здесь находился самый северный форпост Османской империи.

За Азов воевали державы, сражались армии, велись дипломатические интриги – только бы обладать этим городом на высоком левом берегу Дона.

Ибо тот, кто этот город держал, был здесь хозяином – имел ключ к Азовскому и Чёрному морям!

Ещё он известен как родина великого исследователя Арктики Рудольфа Самойл`овича. А с маленького островка Бесперебойный великий учёный Александр Попов передал свои – в истории первые – радиосообщения.

И сегодня на юге России это – единственный город, который – несмотря на все, выпавшие на его долю перипетии – сохранился с глубокой древности до наших дней.

И потому у города очень гордый герб.

Даже геральдика отмечает особенное свободолюбие – к примеру, герб образца 1730 года – утверждён в тот период, когда сам город – русским не был. Возвращение его России произойдёт только в 1736 году

Но знамёна Азовского полка уже тогда украшало лазоревое поле с серебряными крестом и полумесяцем и золотой листовидной короной. А два осетра напоминали об уникальных рыбных богатствах Донской дельты

В советское время, естественно, ни креста, ни короны, ни полумесяца на щите не было. Зато добавлялись красная звезда и башня с датой – 1607.

Корабельные якоря напоминали о том, что это порт пяти морей и, что молодой Российский флот одержал свою первую победу именно при взятии Азова.

Ещё изображались штангенциркуль с шестерёнкой: символ индустриального прогресса.

Сегодняшний герб Азова воспроизводит старинную геральдику и его описание выглядит так: *«В лазоревом поле повышенные четырёхконечный равноконечный крест с расширяющимися концами и под ним опрокинутый полумесяц, сопровождаемые внизу двумя рыбами-осетрами накрест; все фигуры серебряные».*

КЛЮЧ К СИНИМ ВОДАМ

Ни один другой город в Европейской России не дал имени морю. И ни один, наверное, город не менял столько раз своих хозяев и не принадлежал такому количеству государств.

Принято считать, что современное название Азовского моря пришло в русскую топонимию в начале XVII века благодаря трудам летописца Пимена. Старинные же манускрипты свидетельствуют: на Руси водоём этот известен уже две тысячи лет и прозывался тогда Синим.

Конечно же, море было на этом месте и много ранее, и наши почтенные предки мужественно бороздили его просторы на величественных ладьях. Просто летопись первый раз упоминает с I века н. э.

В IX-X веках русские княжества находились под постоянной угрозой нападения кочевых племён. Им приходилось сдерживать натиск хищников и наносить ответные удары. Походы киевского князя Святослава закончились победой над Хазарским каганатом. В 1036 году разгромили и печенегов.

И до XII века земли дельты Дона принадлежали Тмутараканскому княжеству Киевской Руси. На месте Азова было славянское поселение. Считается, что в конце X века оно подпало под власть князя Владимира, а тот подарил его вместе с Тмутараканью сыну своему Мстиславу.

Тогда море стали величать Русским.

Во второй половине XI века эту территорию захватили половцы. Они часто устраивали временные становища на остатках старых поселений. Число становищ увеличивалось, некоторые из них превращались в города.

Одним из таких городов и стал нынешний Азов.

Первое упоминание о нём относится к 1067 году и связано с половецким ханом. Тогда в одной из бесчисленных для этой земли схваток найдёт свою смерть владелец местных кочевий и хранитель небольшого зимовника – Азуп. Тут и похоронят. Над курганом поставят каменное изваяние и в память о погибшем хане назовут поселение.

«Азуп» в веках превратится в «Азак», а потом в «Азов». Он и даст имя – сначала – тёплым водам нынешнего Таганрогского залива, а после походов будущего первого российского императора в его честь назовут и весь обширный водоём.

Такая версия. По другой – «Азак» – это топоним тюркского слова со значением «устье реки».

Во времена Генуэзской республики город станет так знаменит, что итальянцы, переименовав город в Тану, и море будут величать «морем Таны».

Когда точно на этом месте появились обитатели, неясно – археологи находят здесь артефакты даже каменного века. Из наиболее известных поселений историки выделяют Елизаветинское и город Танаис. Хотя, конечно же, поселений было гораздо больше.

Место это как будто специально создано для обустройства человека: самая высокая точка левобережья дельты Дона. Тёплый климат. Бескрайние степи, облегчающие передвижение конницы. Судходная река с роскошными осетрами. По степям и лесам бродило зверьё, в озёрах полно всевозможной дичи.

Официально считается, что в I веке до н. э. земледельцы-меоты основали на месте Азова два становища – римский географ Клавдий Птолемей (через сто лет, правда) называет их Паниардис и Патарва. Располагались они на высоких берегах, окружены мощными валами и глубокими рвами. Экономически и политически были, конечно, связаны с Танаисом.

Патарва и Паниардис. Никакого города ещё нет. Мир вокруг первозданен и легендарен.

А вот по одному из северных мифов – тут когда-то проживало племя `асов. Его возглавлял вождь по прозвищу Высокий. По-шведски «Высокий» звучит как «`Один». Поэт, мудрец, маг.

Спасая своё племя от врагов, он уведёт его из солнечного ласкового Свитьеда – страны предков, Швеции – на север.

И новая земля будет зваться «Малая Швеция». А «Великая» останется там, откуда Один пришёл.

На месте родины того племени и возникнет в будущем город. Бывший легендарный город асов – Ас`ов. Нынешний Азов. Это – ещё одна версия происхождения названия.

А через многие тысячи лет приедет сюда легендарный норвежец Тур Хейердал. Приедет, дабы подтвердить свою версию об именно донском происхождении северных народов.

Изучив исландские саги, помещающие родину первых скандинавских правителей на восточном берегу Танаиса (Дона), учёный высказал гипотезу, что на месте Азова, мог располагаться город скандинавских богов асов – Асгард.

Так знаменитый исследователь привлёк серьёзное внимание научной общественности к устью Дона, хранящему следы многих переселений – ведь история Азова уходит в далёкое прошлое.

В древности поселение попало под власть Митридата Понтийского. Тот период освещают не только археологические памятники, но и данные письменных источников, в первую очередь, греческих. Греки, основывающие в Причерноморье свои фактории и колонии, знакомятся с туземным племенным миром.

Античные авторы сообщают нам и о других «варварских» народах: кроме самих греков – отметились здесь киммерийцы, скифы, половцы, сарматы, савроматы, меоты.

И прекрасные амазонки-воительницы.

А также жестокие воинственные готы, гунны, печенег и хазары – в начале III века Паниардис и Патарва погибли под их натиском.

Азов перенял эстафету принадлежащего Боспорскому царству Танаиса. Кстати, возможно, в память о Танаисе, его потому тогда так и звали – Тана.

Торговлю в Танае – самой северной из своих колоний – развернули во всей красе итальянцы.

Но ненадолго.

Весной 1236 года татаро-монгольские орды под предводительством хана Батыея вторглись в пределы русской земли. На Руси установилось трёхсотлетнее их владычество.

Пришельцы оценили удобное местоположение Таны – на пересечении торговых путей – по достоинству. Жителям города пришлось эти земли у Золотой Орды выкупить. С XII века территория крепости – свободная экономическая зона во главе с эмиром – ордынским наместником.

А татары вскоре рядом с итальянской колонией возвели свой многолюдный ремесленный и торговый город – Азак.

Его история неотделима от истории этой генуэзско-венетийской торговой фактории.

Азак и Тана стояли так близко друг к другу, что практически сливались.

В 1294 году генуэзцы повезут через Тану из Персии шёлк. Это возмутило венецианцев (почему их не спросили?) и спровоцировало конфликт – особой дружбы у жителей двух районов Таны не наблюдалось. «Замиривать» пришлось самому Папе Римскому.

Эта «шёлковая» ситуация заинтересовала даже знаменитого путешественника Марко Поло – упоминания встречаются в его переписке.

В 1332 году итальянцам удалось добиться от хана Узбека разрешения обнести свои кварталы стеной. Взамен они обязались платить дань и пошлину с торговых операций. Стало спокойнее.

Отныне этот конгломерат – Азак-Тана стал средоточием мировой торговли. Порт Таны принимал итальянские корабли, караван-сарай Азака встречали восточных гостей.

Хан Джанибек попытается отнять у итальянцев Тану, но без торговли толку нет, и он отступит-ся.

Через Тану (по Великому Шёлковому пути) ткани, пряности, ремесленные изделия Востока шли на Запад. Азак-Тана был ключевым пунктом на пути в столицу Византии – Константинополь. Русские товары (пушнина, пшеница, лес, лён, мёд, сало) и золотоордынские (донская и волжская рыба, продукты скотоводства) отправлялись в Европу.

Порой город звали только Тана. Археологи утверждают, что в XIV веке это был – по величине – третий золотоордынский (после столиц Сарай и Сарай-Ал-Джедит) мегаполис, сравнимый лишь со средневековыми Лондоном и Великим Новгородом. Центр различных ремёсел. Имелся даже свой монетный двор.

И Азак-Тана был крупнейшим рынком работоторговли.

На Руси татары свирепствовали и грабили, а на Дону – в Тане – свою добычу сбывали, и самым ходовым товаром оказывались красивые славянки. Лучших оставляли себе, остальных отправляли в гаремы к османам.

Город имеет хорошие укрепления. Как и Танаис, он расцветает благодаря развитию торговых путей и росту экономических связей.

Как и в Танаисе, в Азове торгуют самые разные народы. Татары и итальянцы. Русские и китайцы. Каталонцы, флорентинцы и пизанцы. Греки, армяне и поляки. Город интернационален. В Тане живут европейцы, а в Азаке – татары и русские.

И, собственно, довольно мирно уживались: было несколько католических церквей, одна православная, мечети. Не притесняли и язычников.

В 1333 году арабский путешественник Ибн-Батута записал, что Азак отличается очень красивыми постройками. А через полвека – большим и богатым городом предстал он взорам направлявшегося в Царьград московского митрополита Пимена.

Но, дружба – дружбой, а неудержимые воины Золотой Орды разрушали Тану неоднократно, причём до основания. И вновь она восстанавливалась: заново строились дома, валы, башни, ворота с подъёмным механизмом.

До тех пор, пока к стенам не подошли полчища Тамерлана.

1395 год.

Хромой старец предложил просто сдаться – и он никого и ничего не тронет. Азов поверил. Открыл ворота – Тамерлан вообще срыл его до основания.

К началу XV века город восстановят, но о былом величии и богатстве уже не вспоминали. Да и оставались генуэзцы в крепости недолго – на Чёрном море появлялись новые игроки.

Донские просторы стали ареной очередной великой битвы.

В июле 1457 года в Тану вступают войска Турции – новой региональной сверхдержавы, и для города заканчивается эра западноевропейского расцвета.

Азов на целых два столетия становится турецким, а Азовское и Чёрное моря – внутренними морями Османской империи.

Европейским кораблям запретили сюда заходить, да те не здорово и расстроились – в 1498 году Васко да Гама (до того внимательно ознакомившись с историей Таны) уже дал зелёную улицу морскому пути в Индию.

Коммерции в Азаке пришёл конец.

Турки уничтожили Азак-Тану и построили новую крепость – Азау (для русского уха – как Азов). Со стороны Дона Азау ограждала каменная стена в одиннадцать башен, а предместья охраняли валы и рвы. И гарнизон – 400 янычар.

Азову определили роль северного порта Османской империи, превратив его в форпост экспансии на юге России. Теперь султан легко контролировал вассальное Крымское ханство и поддерживал связи с мусульманами Казани и Астрахани.

Турки (дабы усилить роль своего порта и впредь перебрасывать суда с военными силами через Азов и Дон на Волгу, а оттуда – к Ирану) даже пытались прорыть канал между Волгой и Доном. Однако кирками и лопатами это было невозможно.

А современники отмечали: *«Азов из знатного торгового города превратился в прямое похитительное место, гнездо и пещеру разбойников».*

С XVI века берега Дона обживались новыми выходцами из России. Здесь складывалось своеобразное управление – вольница. И у Турции появился новый – самый опасный враг.

Донские казаки.

Потому сначала турецкая крепость торгового значения и не имела, а была, собственно, просто оборонительным рубежом – дабы избежать набегов флотилий донских казаков на Крым и Северную Анатолию.

А потому казакам же – Азау эта была особенно ненавистна – препятствовала выходу их в море для торговли и набегов – знаменитых *«походов за зипунами».*

В 1569 году султан решит покорить Астрахань и из Азова выйдет огромная армия. А вернутся жалкие остатки. Лобовой удар не получится.

Зато полуголые, вооружённые только луком и верёвкой, местные кочевники под руководством блистающих кольчугами, вооружённых булатными саблями и медными щитами азовцев, окажутся гораздо удачливей.

И опаснее для Руси.

Постепенно Азов снова становится важным центром международной торговли. В порту – постоянная многоголосица. Русские купцы везли в Азов на продажу ткани, ловчих птиц, меха, моржовый клык, доспехи, шлемы, мёд, воск, кожи. Восточные – продавали в Азове ткани, ковры, пряности, жемчуг, оружие.

В порту находилась таможня – турецкие власти брали пошлину со всего – с покупок, продаж, взвешивания. Даже с движения кораблей, заходящих в порт. В султанскую казну нёсся нескончаемый золотой водопад. Особый товар – рыба и чёрная икра. Целые караваны с бочками осетрины и икры отбывали постоянно в Стамбул, отчего Азов в турецкой столице звали *«султанским рыбным двором».*

И таким же особым товаром были русские рабы – азовцы проводили время в бесконечных набеггах. Русский пленник стоил пять золотых – довольно дорого.

А дозоры наши редко могли поймать налётчиков. Порой те высылали отряд для отвлечения, а сами врывались в другом месте.

Неожиданность и удачная манёвренность были главным козырем янычар, побить который могли только донские казаки. Но они и сами попадали в плен. У казаков сжигали станицы. Отнимали жён и дочерей. И причём, именно казаков старались продать подальше от дома! За море. В этом была особенная жестокость османов.

Конечно, России всё это очень не нравилось. В 1559 году Азов брал в осаду Дмитрий Вишневецкий, но безуспешно.

Нанести удар по крепости, изгнать турок из устья Дона, призвав на помощь Войско Донское, и получить *«ключ к Синим водам»* планировал и Лжедмитрий I. Это 1606 год. Планировал серьёзно: построил корабли на Вороне, укрепил (как опорную базу) пограничную крепость Елец, создал

склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. Из Москвы прислал осадную и полевую артиллерию.

Но этому азовскому походу не суждено было состояться, так как не состоялся сам Самозванец.

Со временем турки и татары стали всё чаще получать от донцов достойный отпор.

Русское правительство предполагало захватить Азов с помощью казаков, но те давно действовали самостоятельно, не обращая внимания на советы царских вельмож. Они блокировали город, заставляя его платить своеобразную дань солью, котлами, рыбацкими сетями и прочим.

Турецкий султан жаловался Ивану Грозному, что казаки отняли у него *«поле всё, да реки, да и Дон»*.

Султан жаловался, царь тянул волынку, а россиян всё чаще угоняли в рабство...

И донцы-молодцы не выдержали. Жарким июньским днём 1637 года Азов был взят. Из работорговцев не спасся никто – некому было сообщить туркам, что город захвачен.

Сбылись над городом проклятия его жертв.

СМЕРТИЮ ЗА ВЕРУ ПОКУПАЮТ НЕБО

Есть в истории Российского государства события, которые неизменно вызывают чувство гордости за деяния своих предков, заставляют вспомнить о русском характере и загадочной русской душе.

Таково знаменитое Азовское осадное сидение донских казаков летом 1641 года – победа, одержанная над многотысячным турецким войском, показывающая превосходство духа над силой и имевшая огромное политическое значение.

А турки, те сначала снисходительно-хвастливо называли вылазки казаков *«битва обречённых»*. Ибо по всем военным законам – полностью блокированный – гарнизон не имел, ну никаких, шансов выжить!

Но – выжил! И победил! Вопреки всем правилам боевой науки.

Много будет у донцов после славных побед – и при взятии Азова Петром I, и при взятии Берлина в Семилетнюю войну, и под Бородином, и при освобождении Болгарии.

Но азовская баталия – святая, особая, мученическая. Именно в честь этой победы установлен войсковой праздник Войска Донского – 12 октября – день окончания Азовского сидения.

Сегодня, через более чем три столетия, странно немного называть эту акцию *«сидением»*.

Какое ж сидение, если это – беспрестанные почти четырёхмесячные бои, пожарища, голод и смерть? Но так именовали в XVII веке. Нападающие – осаждают, осаждённые – отсиживаются. По принципу, у кого первого терпение лопнет: либо – те уйдут, либо – эти сдадутся.

Но донские казаки никогда просто так не отсиживались. Они – если вынуждены быть осаждёнными – стойко защищались и сами же на нападающих нападали. Либо – погибали.

Все.

С чего *«сидение»* начиналось?

Построенная на основе разрушенного греческого полиса Тана крепость Азак – север огромной Османской империи. Турок-османов к тому времени боялась вся Европа.

Россия была ближе, и потому здесь они старались во всю – основное количество поставляемых рабов на каторги и рабынь в гаремы составляли именно славянские народы. И чаще всего представители именно этих народов оказывались на редкость строптивыми.

Потому положение пленных россиян в Турции (а казаков, как уже отмечалось, особенно) было совершенно невыносимым.

И мстило потому казачество за угнетение христианских народов, оставшихся в покорённой Портой греческой империи!

Так мстило, что при одном появлении на море казачьих стругов с закалёнными и искусными в морских битвах воинами, турецкие каторги и многопушечные корабли старались поскорей скрыться за горизонтом. А жители прибрежных аулов убегали в горы.

Со страхом смотрели мусульмане на успехи казачьего оружия на берегах Азовского и Чёрного морей – вплоть до Стамбула. Столице грозен был Дон, а для окраинной Азовской крепости – так и подавно!

Все вековые переговоры турок с Москвой об удалении казаков с Дона результатов не давали. Возможно, что ни османский султан, ни русский царь, до конца не осознавали ни самой идеи казачества, ни его силу. А сила эти год от года становилась всё масштабнее.

Но Москва и Стамбул были далеко.

А тут, на месте, турки ясно видели возрастающую опасность и прилагали все усилия укрепить Азов. И даже не погнушались – пригласили неверных – лучшие западные мастера и инженеры укрепляли стены города и замок, проектировали валы и рвы, воздвигали башни.

И появились на берегу Дона мощные бастионы, поставлено *«200 больших, средних и малых орудий, заготовлено много тысяч снарядов, пороховой казны, провианту и всего остального»*.

Укрепив так Азов и поставив в нём четырёхтысячный гарнизон из лучших войск с католическими начальниками, турки усилили набеги как на казачьи городки, так и на русские окраины.

И терпение донцов иссякло. Больше любоваться на издевательства зарвавшегося врага казаки не захотели *«и постановили вырвать во что бы то ни стало древнюю свою столицу из рук мусульман»*.

Взятие османского Азова 18 июня 1637 года стало блестящей победой наших предков. К донцам присоединились и запорожцы, стонавшие от притеснения польских панов. А в городках остались лишь старики и женщины.

Руководил осадой войсковой атаман Михайла Татаринов. Началась она в апреле. Четыре отряда обложили крепость со всех сторон. Часть флота стала в устье Дона, дабы не допустить туркам подмоги.

Первым делом казаки окопались земляными валами и рвом: ведь за неимением тяжёлой артиллерии взять город приступом – невозможно. Потому в ход пошёл излюбленный старый казачий способ – «немецкий размысл». Именно так они когда-то взяли Казань: рыли подкопы. На это ушёл месяц.

Турки, глядя с крепостных башен на казачур-землекопов, только смеялись. Уверовав в собственную незыблемость, они стали держать себя особенно вызывающе, ну и – как результат – снизили бдительность.

А 18 июня 1637 года в 4 часа утра все подкопы грянули залпами и часть – считающихся неприступными – азовских стен взлетела на воздух. Казаки бросились в проломы и на стены.

Турки растерялись – и дрогнули!

Более десяти вёрст гнали их донцы. В живых не оставили никого.

Пришедшее в столицу письмо горделиво сообщало, что теперь главный стан казачий – в Азове, а при его взятии захватили 294 пушки и *«пленных православных крестьян тысячи с две освободили»*.

В ответной грамоте русский царь (немножко пожурив дончан за самовольное взятие азовской твердыни) поблагодарил их за действия против крымцев.

Но, как говорит Михаил Задорнов, «мы – один народ, а наши правительства – это другой народ». На самом деле царь не обрадовался. А может, и обрадовался, но секретная дипломатия требовала другого.

Вот выдержка из депеши, отправленной российским самодержцем самодержцу турецкому:

«О взятии Азова у нас и мысли не было, и прискорбно будет, если за одно своевольство казаков станешь иметь на нас досаду; хотя всех их вели побить в один час, я не постою за то.

Мы с вами, братом нашим, хотим быть в крепкой дружбе и любви на веки неподвижно свыше всех великих государей и желаем вам на царствах ваших счастливого пребывания, над врагами победы, государств ваших приращения и всякого добра вам хотим без хитрости, нося всегда в сердце нашем вашу любовь» ...

Казаки же теперь сделались на Азовском и Чёрном морях хозяевами! Больше им крепостные пушки, нацеленные на проход, не мешали. И крымцы уже не осмеливались нападать на русские южные окраины; а ногайцы, кочевавшие за Доном и около Астрахани, оставались верными данниками Москвы.

И хозяйничали так донцы почти пять лет.

Справедливости ради надо заметить, что этот успех был во многом связан с отвлечением сил турок на войну с Персией – у султана не нашлось тогда для своих азовских подданных подкрепления.

А теперь султан Ибрагим не знал, что делать. Посылаемые на выручку мелкие отряды похода уничтожались – как на суше, так и на море. И через год, срочно замирившись с Персией, Турция отправила в Азов большую флотилию.

Но казаки на своих лёгких стругах встретили турок у Керченского пролива и дали им жестокий морской бой.

Османская гордость, пред которой дрожала вся Европа, терпеть такой позор не могла – Ибрагим стал готовиться к жестокой атаке. Помимо Персии, он срочно подружился со всеми иностранными державами: Австрией, Польшей, Венецией. Не забыл польстить и России. Спешно строил и снаряжал сильный, но лёгкий флот. И снова на турецких верфях появились специалисты непривычного для мусульманина облика – тысячи наёмных католических мастеров, инженеров и артиллеристов.

И вот, в мае 1641 года, 200 судов нового турецкого флота приняли на борт десятки тысяч – вооружённых до зубов, скованных железной дисциплиной и воодушевлённых идеей вечного торжества ислама над православием – ратников. Янычары – вечный ужас Европы.

Казалось, что Великая Порта собиралась воевать с огромным и могущественным государством, а не с горсточкой удальцов, не признававших над собой ничьей власти и действовавших на свой риск и страх – только лишь ради торжества Креста над Полумесяцем!

Но удальцы эти не унывали, а также спешно и деятельно готовились дать отпор подлому врагу, надеясь на Бога да на свои крепкие головы и острые сабли: *«Приход турских и крымских людей нам не страшен; Азова мы не отдадим и не покинем, потому что взяли его кровью и своими головами».*

Они – и без помощи инженеров-католиков – основательно укрепили стены и башни, поставили отбитые раньше у турок пушки, запаслись снарядами и провизией. И стали ждать.

А пока совершали усиленные разъезды по степи и по морю – следили за движениями неприятельских отрядов и судов. И когда Турция двинула, наконец, к донской столице войска, азовские поселенцы уже знали об этом движении.

Войсковой атаман разослал вверх по Дону призыв – всем спешить на защиту родины!

Силы турок были огромны – согласно раздаточной ведомости – 256 тысяч человек. Войска имели 1200 больших проломных пушек и около 700 мелких. Во главе флота Османской империи стоял опытный морской волк Сиявуш-паша. Примкнул и крымский хан со своими стрелками.

Всей армией командовал знаменитый военачальник Хусейн-паша.

7 июня эти полчища окружили свою бывшую пограничную крепость.

Яркие шатры, шелковые одежды, золотые уборы раскрасили выжженную июньским солнцем степь. Трубы, разноязычная речь, барабаны, ржание, выстрелы заполнили воздух.

А казаков в Азове было (по их собственному признанию) 5367 во главе с атаманом Осипом Петровым; на крепостных стенах стояло 300 пушек. Да женщин-казачек – сот восемь. Все они с отчаянным мужеством отражали турок.

Хотя в некоторых документах отмечена другая цифра – 16 тысяч казаков.

Но даже если и шестнадцать!

Маленький Азов, подобно Ноеву Ковчегу, оказался в бушующем море вражеской артиллерии – у его стен стояло семь армий!

Очевидец писал, что вражеская армада *«была столь велика, что даже вода проступила из-под земли, и Дон вышел из берегов»*. Турки были уверены: победа достанется малой кровью – ни одному живому существу не выдержать такой жесточайший прессинг!

Однако, азовским казакам на военные законы, как выяснилось, наплевать.

Ни фронтальные атаки турок, ни подкопы под крепостные стены, ни возведение валов, ни прицельная стрельба с них по Азову, ни метание ядер, ни бои на крепостных стенах – не дали ожидаемого результата.

Опытные в военном деле донцы прежде всего (подбегая мелкими партиями с разных сторон к стану врагов) добыли «языков» и выяснили всё, что хотели.

Неприятель сделал попытку к штурму – казаки и близко к стенам не подпустили! Главные их усилия были обращены на то, чтобы нанести поражение внезапными вылазками и подкопными работами – тут донцы были искуснее не только турок, но даже всех западноевропейских специалистов.

Вражеская армия таяла. Нет уже многих военачальников. Турки приуныли. Таких стойких и храбрых противников гордые паша и на своём тонком Востоке ещё не встречали.

Хусейн начал понимать, что не справляется. Послал в Царьград требование: *«Воевать Азов нечем, а прочь идти бесчестно; подобного срама османское оружие ещё не видело; мы воевали целые царства и торжествовали победы, а теперь несём стыд от горсти незначущих воинов»*.

Получив подкрепление, паша решил испытать последнее средство, чтоб завладеть Азовом, – засыпать всех защитников его землёй.

Начались спешные земляные работы, в которых главными руководителями были снова наёмники – итальянские и немецкие инженеры. В несколько дней у самых городских стен явился вал вышиной в 7 сажень. Установив на нём многочисленную тяжёлую артиллерию, турки начали безостановочно бить по городу.

Канонада эта продолжалась 16 суток. До основания были снесены три крепостных стены, башни и замок. Разрушен храм Иоанна Предтечи.

Донцы защищались с отчаянной храбростью; подвели под вал два подкопа и взорвали их; проникли 28(!) подкопами под самый неприятельский лагерь и полностью его опустошили.

Иностранцы вели 17 подкопов, но дозор донёс – и своими встречными подкопами казаки всё разрушили.

Осада затянулась. Шёл уже сентябрь. Казаки, окопавшись в четвёртом земляном городке, держались твёрдо. Кое-какие отряды расположились по низовым городкам и следили за движениями врагов, стараясь не пускать их по Дону вверх.

Иногда к осаждённым прорывались из Черкаска струги с подкреплением; подвозили снаряды и провизию. А вот, посылаемые крымским ханом отряды, казаки не пропускали.

А у турок от трупной заразы началась эпидемия. Ощутимый недостаток в снарядах и продовольствии. Солдаты открыто выражали недовольство.

Хусейн попросил отложить осаду до весны, но султана это не устраивало: *«Паша! Возьми Азов или отдай свою голову»*.

А донцы поклялись друг другу умереть, но не сдаваться. *«Вот храм Божий, - говорил Осип Петров своим сподвижникам, - защитим его или умрём близ алтаря Господня, смертью за веру покупают небо»*. Этого было довольно.

Хотя выбор был.

Турки предлагали покинуть Азов и остаться живыми, говорят – деньги сулили. И даже, мол, к себе жить приглашали: будете в Царьграде богатства иметь несчётные, и всякий вам, казакам, будет кланяться и называть вас *«славные рыцари знатные»*.

Каждый день из вражеского стана прилетали стрелы с письмами-обещаниями выдать каждому из воинов по тысяче талеров, если те добровольно оставят Азов – ведь он, в сущности, уже не существовал.

Явное враньё. Но чего не случается?

Возможно, что даже бы, турки, обещания свои, где-то и сдержали. Возможно.

Но казаки на эти *«бусурманския прелести не покусились»*. Они защищались.

Защищались с отчаянной храбростью!

«От бессонных ночей они окончательно обессилили, губы их запеклись, лица и глаза от порохового огня и дыма опалились, гортань не давала звуков голоса, руки отказывались держать оружие».

Но выдержали. Полуголодные, израненные, среди разрухи, смрада, огня и стрельбы продержались.

93 дня и 93 ночи!

И ответили по-своему – новой, губительной для врага вылазкой.

В ночь на 26 сентября (ночь страшную и трогательную) казаки очистили себя постом и молитвой, попросались друг с другом, по-братски обнялись, перецеловались и решили наутро сделать последний отчаянный шаг – победить, или умереть.

Все. До единого!

В три часа ночи *«страшные, опалённые, со сверкающими сверхчеловеческим огнём глазами»* они двинулись на врага.

Но... к удивлению своему никого не нашли. Рассвет показал лишь одни следы бегущего неприятеля.

А ведь уже не было стен между громадной армией и горсткой израненных, обессилевших казаков – не выдержали стены.

И турки не выдержали. Мужество и героизм защитников потрясли даже их. Остатки хвалёной турецкой армады, поджав хвост, повернули назад. Под Азовом они навсегда оставили 20 тысяч человек.

А казаки выдержали!

«Донцы воспрянули духом, наскоро сформировали отряды из более свежих сил и пустились в погоню, били без пощады, загоняли в воду, топили суда. Турки не ожидали этой дерзости и, объятые ужасом, гибли тысячами».

Поражение было полное.

Донские казаки показали всему миру, какова их нравственная сила и доблесть.

Наводившие ужас на полмира, доселе непобедимые, османы – были посрамлены и уничтожены одним гарнизоном *«доблестных донцов, ставших своею богатырскою грудью за свою, веками прославленную казачью честь, свободу дорогой родины и православную веру».*

Так окончилось это беспримерное в летописях народов дело, названное в истории *«Азовским сидением».*

Сам главнокомандующий, силистрийский паша Хусейн, скончался в пути – не пережил позор. А немногие из уцелевших военачальников были преданы турецкому военному суду.

Вместе с мужчинами крепость защищали и те восемьсот казачек. Об их исключительном мужестве рассказывают пришедшие к нам из глубины веков песни.

Азовское сидение продолжалось три месяца.

Но, возможно, главное даже не это. Цифры редко передают истинный смысл происходящего.

Вот что пишет Юрий Круглов, автор книги *«Прогулки по выходным с ироничным и умным».*
«Главное для нас – поведение казаков среди этих бесконечных артобстрелов, двадцатичасовых штурмов, беспрестанных подкопов.

Очевидец отмечает: «И в сидение своё, осадное, имели мы, грешные, пост в те поры, и моление великое и чистоту телесную и душевную». Поразительное признание.

В устах изрубленных, матёрых казачур это звучит трогательно: «Прибежим, бедные, к своему помощнику предтечеву образу, пред ним, светом, расплачемся слезами горькими».

И это говорили те, кто оказался крепче каменных стен, потому что стены враги разрушили. А крепость не взяли.

А далее идёт самое главное событие, которое одно достойно навек прославить Азов...

Слово очевидцу:

«Многие из нас... видели во сне и вне сна... жену прекрасну и светлолепну в багрянице светле на воздухе стояще посреди града Азова.

Та нас – Мать Божия Богородица не предала в руки бусурманские. И на них нам помощь явно дающе».

Вот так. На помощь приходила сама Богородица.

Об этом чуде сохранились свидетельства не только защитников крепости, но и осаждавших.

Воздав благодарение Богу за победу, казаки отправили в Москву атамана Наума Васильевича Васильева с подробным известием об успехе своего оружия и прошением к Михаилу Фёдоровичу прислать им подмогу и принять Азов себе в вотчину, так как все они крайне изнурены и держать город дальше не в силах.

«Мы наги, босы и голодны, - писали защитники крепости, - запасов пороха и свинца нет, от этого многие казаки хотят идти врозь, а многие переранены».

Атаман лично объяснил царю и его боярам: если Азов не будет принят, то они все умрут – до единого! Но не уступят врагам земли, облитой кровью их товарищей.

Какой роскошный подарок!

Владея Азовом (причём, совершенно для неё бескровно), Москва получала выход в Азовское море, могла угрожать Крымскому ханству и сдерживать его набеги на русские земли.

Теперь Россия могла бы *«открыто вести политические переговоры с Турцией, не прибегая к традиционной лжи относительно казачества – лжи низкой, недостойной великого государства»*.

Но принятие этого подарка вело к жуткому конфликту с Турцией! А для успешной войны с ней Россия не имела тогда достаточных сил.

Хотя сначала Михаил Фёдорович похвалил казаков за их мужество, послал на Дон милостивую грамоту и пять тысяч рублей. А в декабре оправил на Дон дворянина Ивана Афанасьевича Желябужского с поручением осмотреть азовские укрепления, *«сделать чертёжные отписи на исправление стен, зданий и прочего»*.

Между тем посрамлённый султан неистовствовал и готовился к страшной мести. Стали приходить известия о приготовлениях похода на Русь – одно хуже другого! Как пример: османы решили уничтожить всех христиан в своей империи!

Устрашённый этими угрозами царь не решился дать конкретный ответ и в январе 1642 года созвал Земский собор. Вопрос на повестке дня был один: принять от казаков Азов или не принять.

Суждения затягивались. В марте возвратился Желябужский с докладом: Азов полностью разрушен, все укрепления нужно возводить заново – а сие слишком накладно.

Земский собор не нашёл поддержки в правящих классах, отметил лишь, что война с Портой ухудшит и без того довольно тяжёлое положение Московии.

И Московия смалодушничала.

Отправила на Дон несколько тысяч рублей, 200 поставов сукна, съестные припасы, свинец и порох.

А от принятия Азова отказалась.

Москва предоставила донцов самим себе; она не только не дала им помощи военной силой, но даже (объясняя это спасением христиан во всей Турции) велела покинуть Азов и уйти в свои юрты.

«Сего требует польза отечества и послушание ваше будет новым доводом вашей верной службы ко мне», - писал царь.

Удерживать Азов собственными силами казаки не могли. В мае они оставили развалины и вышли всем войском на Махан-остров (возле станицы Ольгинской).

И забрали из Азова всю артиллерию, колокола, церковную утварь, крепостные железные ворота и даже (по братскому обету) кости своих павших товарищей. Эти останки перевезли на Монастырский Яр; артиллерию и церковное имущество в Черкасский городок, дав обет построить в нём – в память славного сидения в Азове – храм во имя Воскресения Господня, что впоследствии и исполнили.

А перед своим уходом всё взорвали – полностью сравняли то, что ещё оставалось от укреплений, с землей...

И турки вернулись в брошенный Азов...

И это после всего, что случилось!

Народ выстоял!

Богородица помогала!

А власть подвела...

Историк писал, что *«слабость и равнодушие к пользам Отечества правящих классов сказались тут во всей силе»*.

Что ж, знать, рановато было России скрещивать с Турцией саблю.

Но дело не отставили, а отложили.

Войско Донское (пока!) перенесло свой главный стан в Верхние Раздоры и там уже отбивалось от приступов дерзкого врага – Порты жестоко мстила за прежние обиды. Но казачий гарнизон ещё не оправился от прошлогодней битвы, отряды в станицах были очень малочисленны.

Турки этим, естественно, воспользовались, и всего лишь через два года от городков Монастырский, Черкасск, Маныч и других остались лишь пепелища. А уцелевших жителей снова угнали в рабство.

Азовское сидение не закончилось присоединением Азова к Русскому государству. Но, как говорят историки, *«его значение заключается в том, что усилился процесс этнической интеграции донских казаков в российский суперэтнос».*

С тех пор донцы уже никогда не поддерживали силы, враждебные России!

ПОХОД БОМБАРДИРА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ РОТЫ

Наряду со знаменитым сидением – самые известные страницы азовской летописи относятся к концу XVII столетия, когда молодой русский царь Пётр I всё же отвоевал крепость у турок.

А для выполнения этой задачи отдал приказ строить военный флот.

Азовские походы Петра открыли ворота в южные моря Российскому Государству.

Именно под стенами Азова российский флот получил своё боевое крещение.

Русский народ издавна связан с Чёрным морем. Ещё в глубокой древности дружины киевских князей ходили так на Византию, смело вступали в сражения с сильнейшим византийским флотом, боролись с ним за морское господство.

Чёрное море называли тогда «Русским».

Но в XIII веке Золотая Орда закрыла выход к черноморскому побережью, и с тех пор только отдельные русские купцы, паломники да монахи решались на этот путь к рынкам Ближнего Востока и святым местам Палестины.

После распада Орды её место на Юге заняли Крымское ханство и Турция.

А наши земли по-прежнему оставались отрезанными от вождельных причалов. И лишь когда государство Российское, пережив ордынское иго и феодальную раздробленность, заново сложилось и окрепло, Россия смогла возобновить борьбу за Чёрное море, за морской торговый путь на Восток.

Эта борьба продолжается уже 300 с лишним лет.

Она началась в середине XVII века. Здесь, на южных границах, происходило становление новой России. Туркам к этому времени удалось уже полностью загородить донцам выход в море. А низовье Днепра охраняли мощные крепости Очаков, Кызы-кермен и Аслан-Ордек.

Азовский форпост защищал семитысячный гарнизон под командованием бея Гассан-Араслана.

По периметру крепость обвели каменными стенами с бастионами и отдельной башней внутри. Вокруг – высокий земляной вал и глубокий ров. На Мёртвом Донце находилась ещё одна цитадель с милым названием полевого цветка – Лютик.

В трёх километрах выше – на обоих берегах Дона – соорудили по каменной каланче (башне) и соединили эти каланчи между собою толстенными цепями.

Вот такая серьёзная преграда вставала на пути любого судна, пожелавшего попасть в «морские медленные воды».

Под пушечным огнём казачьи ладьи, конечно же, прорваться не могли. И, хотя казаки шли на всякие уловки (переправлялись, к примеру, под дымовой завесой), погоды это, по большому счёту, не делало.

А сами турки из своей азовской твердыни стали теснить донские городки так сильно, что собственных сил для борьбы у казаков не хватало.

И при царе Алексее Михайловиче, в 1648 году, по нижним донским городкам разнеслась барабанная дробь – на подмогу донцам, по их просьбе – прибыли царские драгуны.

С тех пор такие посылки стали обычными: в общей борьбе против турок и татар вольный Дон всё теснее связывался с Москвой – и Российскому государству, и казачеству был необходим свободный выход в море.

В 1687 году правительство царевны Софьи направило войско князя Василия Голицына отвоёвывать у турок Крым. Походу предшествовала дипломатическая подготовка – годом ранее Россия присоединилась к антитурецкой «Священной лиге» Австрии, Польши и Венеции.

Голицын имел под началом 150 тысяч русских и 50 тысяч малороссийских воинов, его поддерживали донские казаки, но на пути к Перекопу войско попало в безводную степь, к чему оказалось совершенно не готово. К тому же ханские отряды эту степь ещё и подожгли.

Прорваться в Крым армия князя Голицына тогда не смогла.

Два года спустя. Второй поход. 112 тысяч воинов. В мае разбито 150-тысячное ханское войско. Однако всё тот же риск остаться в крымских степях летом без воды заставил князя повернуть назад.

Неудача похода определялась не только природными условиями и силою ханского войска.

Свою роль, несомненно, сыграла личность самого Василия Васильевича Голицына. Он был талантливый, широко образованный человек, имел очень большую по тем временам библиотеку – 266 книг, отличался многими достоинствами и состоял сердечным другом царевны-правительницы.

Но полководцем он не был.

С тех пор мира с Турцией не намечалось. Но не намечалось и открытых военных действий. Только крымцы тревожили южную окраину обычными грабительскими наездами, да донские казаки рубились по-прежнему с азовскими татарами.

К середине 90-х годов внешнее положение изменилось. С главным врагом – Польшей – Софья помирилась. Что, конечно же, совсем не нравилось османам.

И теперь, с подвластными ей татарскими ордами, Турция начинала уже прямое наступление на Москву и Польшу.

Вот такое получалось наследство: польский союз и неудачно начатая турецкая война. Новый российский царь Пётр не хотел мириться с этой неудачей.

Расквитавшись со старшей сестрой, младший брат решил продолжить борьбу за выход в море – он замыслил грандиозную торговлю с Европой. Звали его на помощь и порабощённые турками православные христиане.

Нерешённой оставалась ещё балтийская проблема. Но при наличии союза со «Священной лигой» южная задача казалась много проще. Тем более, что в войне против турок русский царь мог рассчитывать на активную поддержку донских казаков.

Но русский царь ещё очень молод. Учиться и учиться! Своё образование Пётр (по совету Франца Лефорта) планировал продолжить в ходе заграничной поездки, дабы собственными глазами увидеть Запад и приобщиться к его знаниям. Но отправляться «в Европы» простым недорослем было, как-то, не с руки...

Сохранились свидетельства, что именно Лефорт порекомендовал царю – перед тем, как *«выйти в большой европейский свет»* – совершить нечто такое, на что Европа обратила бы пристальное внимание.

Например, нанести удар по туркам, с которыми Запад как раз в то время воевал.

Так и родилась идея первого азовского похода.

Со взятием стратегической турецкой крепости нарушалась сухопутная связь между владениями Крымского ханства в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе.

А ещё, владея Азовом, царь укреплял контроль не только над ханством, но и над донским казачеством. Поэтому, не исключено, что этот план дополнительно подкреплялся желанием Петра укрепить свои позиции ещё и внутри страны.

Важную роль в этом выборе играло и относительное удобство сообщения. В отличие от шляха к Перекопу – путь к Азову пролегал по рекам и по достаточно заселённой местности. Это освобождало войска от лишних обозов и длинных переходов по знойной степи.

А так как походы Голицына показали неуязвимость Крыма именно со стороны степи, значит, направление удара надо изменить...

20 января 1695 года обнародован царский указ о формировании армии под командованием Бориса Петровича Шереметева *«для промысла над Крымом»*. Об Азове – ни слова.

План Азовского похода предусматривал внезапное для турок открытие военных действий.

Поэтому подготовка сохранялась в строжайшей тайне, в то время как все мероприятия по созданию шереметевской армии вовсю афишировались. Такой стратегией рассчитывали, во-первых, захватить Азов врасплох, а, во-вторых, отвлечь крымских татар.

Ранней весной Шереметев закончил формирование своей армии – 120 тысяч человек двинулись в низовья Днепра.

Тем временем была создана и Азовская армия. Она насчитывала всего около 30 тысяч, но зато Пётр не пожалел лучших полков: возглавляли поход преображенцы, семёновцы, лефортовцы.

Само царское величество участвовало в походе в качестве бомбардира Преображенской бомбардирской роты Пётра Алексеева.

На одной из батарей этот бомбардир начинал гранаты и палил по городу в течение двух недель. Так началась царская военная карьера – сохранилась собственноручная государева запись: *«Зачал служить с первого Азовского походу бомбардиром»*.

А вот главнокомандующего этой армией бомбардир Алексеев назначать не стал, а разделил на три отряда с генералами Пётром Ивановичем (Патриком Леопольдом) Гордоном, Фёдором Алексеевичем Головиным и Францем Лефортом во главе. Для решения вопросов, касавшихся масштабных действий, положено было собирать «консилию» – военный совет в их составе.

Но решения совета могли быть приведены в исполнение лишь по утверждению их бомбардиром Алексеевым.

Сразу оговоримся – не самое правильное стратегическое решение.

7 марта из Москвы авангардом выступил отряд Гордона – девять с половиной тысяч человек, 53 орудия и 4000 повозок. Цель – прикрытие главных сил в низовьях Дона. Через неделю под Тамбовом из-за распутицы он, само собой, застрял и отправился дальше лишь в конце апреля.

В Черкасках Петру Гордону преподнесли неутешительные новости.

Оказывается, турки давно уже готовятся к обороне, они увеличили азовский гарнизон и ожидают ещё из Константинополя три корабля и десять фуркатов с войсками, боезапасом и провизией. Город основательно укреплен, рвы очищены, а валы просто утыканы пушками.

Застать турок врасплох русской армии не удалось.

Итак, жаркое лето 95-го.

Русская армия пришла и осадила турецкий Азов.

В это лето во всей красе в донских степях разыгралась история слабостей, страстишек и капризов человеческих. История, старая как мир. И не записанная официальными летописцами за ненадобностью.

К 5 июля все три отряда – это 30 тысяч стрельцов – сосредоточились у Азова. Лефорт занял позицию на левом фланге, Головин – на правом, а Гордон – в центре. Войска приступили к осадным работам: рыли апроши, сооружали батареи.

6 июля показались 20 турецких галер. Но осаждавшие, не имея флота, были бессильны помешать доставке в Азов подкреплений

Через три дня царь отдал приказ основательной бомбардировки. Но турки очень быстро повреждения исправляли. А сами почти ежедневно производили вылазки – причём, весьма успешные.

С тыла на стрельцов напала татарская конница, не позволяя подвозить с пристани боезапасы и продовольствие.

Оставляло желать много лучшего снабжение войска. Стоя у реки(!), стрельцы испытывали трудности даже с водой – с Дона обстреливали из башен-каланчей.

Но неужели некому подсказать Петру элементарные правила осады? Генералы его без конца ссорятся, а стрельцы гибнут сотнями. Но будет ли царь слушать? Пока он пока верит голландцу Янсену.

Кто такой Якоб Янсен?

Бывалый моряк. Канонир. Царь ведь очень молод, и он искренне увлечён романтикой парусов и пушек. Поэтому безродный матрос назначен гвардии капитаном всей(!) осадной артиллерии. А тот, кроме своей пушки, отродясь ничем не командовал. И потому не удивительно, что азовские пушкари достают русских, а русские обстрелы азовцы воспринимают почти с юмором.

Янсен с презрением смотрит на бардак, царящий в лагере. Серьёзным выглядит только противник. С моря ему подвозят подкрепление, порох, провиант. Степь поддерживает конницей.

Иногда кажется, что это осаждающие в осаде. Стрельцами командуют на редкость бездарно. Людей гробят почём зря.

Молодой царь любит своего Якушку, однако уже и он стал гневаться всё чаще. И требовать от Якушки действий.

Но тому – глубоко наплевать на заботы русских. Он очень устал от пьянства, бардака, безденежья. И его уже не радует высокий чин капитана артиллерии. И то, что Пётр принимает его всерьёз.

И ещё – чего он пока не знал – турки. А те давно заметили Янсена, а главное – разглядели его. Поняли. У них всегда хорошо принимали ренегатов-иноверцев, продающих себя за деньги. Денег они готовы дать очень много, только пусть голландец переходит к ним.

А перед этим – испортит русские пушки и принесёт план укреплений. И расскажет о распорядке в лагере. О смене караула и секретных постах.

Якушка согласится. Убежит и испортит пушки.

И снова отольётся это стрелецкой кровушкой – на следующий же жаркий день. Гордонцы улеглись после обеда спать. Предупреждённые Янсеном, турки внезапно их атаковали. Часть сонных стрельцов перебили на месте. Другие, не захватив даже своего оружия, бросились на центральную батарею, пытаясь укрыться, и тем создали беспорядок.

Огнём батареи неприятель всё же был остановлен. Но вскоре турки получили сильное подкрепление, и русские отступили, оставив в руках противника батарею со всеми орудиями.

А Пётр будет переживать личную драму. Такая пощёчина перед всем светом. Друг предал! Сбежал главный командир! Да ещё так позорно.

А ведь Якушка посвящён во все тайны армии!
Что теперь делать?

Донские краеведы считают, что только один человек мог дать ответ царю. И звали его Фрол Минаев.

Был он пятнадцатый год войсковым атаманом, а главное, изучил Азов вдоль и поперёк. Уже воевал под ним при батюшке Петра.

Да и – как атаман – Минаев обязан был знать своего главного противника.

И сейчас на петровский лагерь он смотрел с великой досадой. Гибнущих стрельцов ему вряд ли было жаль, а вот что дело страдает...

Однако сейчас атаман мучительно размышлял, чьё «дело» – его или царское.

С казаками управляться ведь всё труднее, а Минаев возмечтал невиданное – сынам передать власть над Доном.

До сих пор решал, кому быть атаманом, казачий круг. И даже многоопытному Фролу Минаеву не всегда удавалось поладить с казаками. Куда уж тут сыновьям. Атаманов вообще выбирали на один год. А чтобы род атаманствовал – противно было самой природе казачества.

А царская власть подобралась к казачьей воле чрезвычайно близко. На Москву Минаев опирался уже тридцать лет, но делал это тайно и за сущие гроши. А сейчас настало время: или – или.

Ну не басурманский же Азов в союзники брать...

И Минаев выбирает царя.

Атаман начал с малого. Хотя, возможно, имел в голове весь план, составленный лет десять назад со всеми подробностями.

Надо сперва ликвидировать мощную огневую точку – две башни-каланчи перед крепостью. Из 37 пушек они беспрестанно поливали лагерь огнём, не давая подойти к Дону. А со стен крепости громыхали ещё 100 стволов. Из них два – разрывными снарядами.

Историк пишет: *«Кликнули клич по охотникам из донских казаков – кто пойдёт на каланчу!»*.

Почему не к своим преображенцам обратился царь? А ведь обратился лично и пообещал по золотому червонцу удалцам. А это двух- трёхмесячное жалованье! Но дело-то, конечно, стоило миллионов.

Вот как кратко описывает дальнейшие события очевидец: *«Июля в 4 число, помощью великого Бога, первую самую каланчу, которая на берегу стояла Дону, взяли и сбили до подошвы. Да ныне взято 32 пушки да мелкого ружья и ядер множество, да три знамены»*.

«Очевидец» московский, поэтому, он вообще не указывает, кто и как всё это совершил.

А это была настоящая «спецоперация», как сказали бы сейчас, и сами её инструменты вызывали у глазевших на подготовку стрельцов изумление – минаевцы решили снести бойницы каланчей ломами.

Но кто ж им позволит подойти? Там же пушки и водная преграда! И как перевезти ломы под прицелом пушек? Для царёвых людей это выглядело делом немислимым. Казаки пошли к камышам – стрельцы их открыто обсмеяли.

А казаки нарубили камыша и связали из него «салы» – плотки. Они сохранили сухими гранаты и выдержали тяжёлое железо ломов. А ещё и сабли, и пики, и пистолеты.

Атаковали казаки в самый сон – в четыре утра. Бесшумно проплыли и незамеченные подобрались к ближайшей каланче. Забросали её гранатами. Расстреляли из пистолетов. А дальше ударили в ломы, а потом – в сабли. И захватили до того, как кто-то из оставшихся в живых турок что-то смог понять.

Результат был ошеломляющим!

Уничтожен важный стратегический пункт.

Перестала действовать солидная часть огневой мощи противника.
Захвачено три турецких знамени.

О том, как высоко оценивали значение каланчи сами турки, говорит нахождение там знамён. Захват даже одного штандарта – это честь всему войску, а тут – целых три.

Но, вообще-то, это был единственный серьёзный успех первого Азовского похода.

Оказавшись на каланче, казаки, заранее подготовленные Минаевым, не теряли времени. Они начали обстрел противоположной башни.

Дадим слово тому же очевидцу: *«10 числа в ночи был бой пушечный и огненных ядер метание. И оттого страху из другой каланчи... неверных избили и тое каланчу взяли, да вожатых пленных взяли 14 человек. А иные побежали и в реку побросались»*.

Вот так казаки, захватив позицию, развили успех, умело атаковали врага и вновь победили.

Летописец перечисляет, какие выгоды получило войско от этой победы: *«Пушечный бой у них отняли... взяли 1000 судов, малых и больших с припасами»*.

А это значит, выйдя к Дону, войска тут же атаковали стоявший поблизости азовский грузовой флот. Опытном по части таких операций стрельцы не обладали, значит, авангардом были опять же казаки.

Русская артиллерия получила возможность непосредственно обстреливать город.

И очевидец с восторгом записывает: *«Из города башни збили... азовцы с того страху побежали и стоят на особом месте и перебираются на море»*. И ещё гордая приписка: *«В 20 числе чаем и до каменного города дойти»*. То есть до замка.

Но это 20 числа. А пока ещё несколько штурмов, но все безуспешны.

Царь распорядился начать сапёрные работы. Все три отряда начали, но людей, знавших дело, было мало, и поэтому начали крайне неудачно.

Гордонцы взорвали обнаруженную турецкую мину и, взорвав, разрушили то, что успели сделать сами. Минёры Головина подрывались под бастион и 13 сентября произвели преждевременный взрыв: стена крепости устояла, зато волной снесло значительную часть русских траншей.

А заложенные лефортовские мины турки быстро обнаружили.

Для более сильного артиллерийского воздействия на противника Пётр приказал князю Якову Фёдоровичу Долгорукову возвести на правом берегу шанец, вооружить его артиллерией и открыть огонь по крепости. 20 июля Долгоруков с двумя полками переправился через Дон и после боя занял назначенную позицию.

Русские перешли в наступление и загнали осаждённых в крепость. Но турки при отступлении захватили 7 орудий, заклепали большую часть остальных и уничтожили лафеты.

А на следующий день огромная татарская конница атаковала долгоруковцев – те не успели ещё как следует укрепиться и попросили помощи. Однако соперничавшие между собой генералы опять к соглашению не пришли.

И опять выручил Минаев – донцы одержали победу.

Татары, боясь быть отрезанными от Азова, повернули на левый берег. Через несколько дней Долгоруков достроил шанец, вооружил его пушками и мортирами и открыл огонь.

Собранный 2 августа военный совет решил взять крепость штурмом. Гордону достался центр, Головину – правый фланг, Лефорт – левый. А с тыла на Азов планировалась казачья атака.

5 августа. Рассвет.

Гордонцы в короткое время преодолели ров и взобрались на вал. Встретив упорное сопротивление, перешли к обороне. Ждали помощи. Напрасно – ни Лефорт, ни Головин не отозвались.

Зато колонна Головина почему-то изменила направление и оказалась у Гордона в тылу. Атака колонны Лефорта вовсе не имела успеха.

И минаевцы, встретив значительные силы неприятеля, принуждены были отойти.

Штурм не вышло.

Между тем гарнизон Азова продолжал постоянно получать морем подкрепление.

После следующего неудачного штурма, 25 сентября, здравый смысл, наконец-то победил: без морской поддержки Азов не взять.

Царь снял осаду и направился в Черкасск, оставив в заново укрепленных каланчах сильные гарнизоны. И назвал это место Новосергиевск.

Только теперь, после стольких потерь, Пётр задумается о настоящей осаде. Её продолжат в следующем году. А этот поход на Азов расценится как первая и весьма ценная боевая школа.

На основе личного опыта царь понял, какие недостатки в организации военных действий привели и могли привести в дальнейшем к провалу кампании.

Самое главное – приморскую крепость сухопутные войска не одолеют. Для блокады нужен сильный флот.

Вторая причина неудачи – организация взаимодействия войск. Она оказалась безобразной.

Сказалось отсутствие единого командующего армией, управляемой той нелепой *«консильей трёх генералов Гордона, Лефорта и Головина и с приговора бомбардира Петра Михайлова»*.

Все три генерала были равноправны, *«лаялись беспрестанно»* и не хотели поддерживать один другого. А стрельцы гибли.

Да и сам нетерпеливый государь часто бросал людей на таран без надлежащей подготовки – штурмовавшие не имели даже лестниц.

И третья серьёзная причина – русские войска не владели даже элементарными навыками осадных действий, не было и опытных инженеров для руководства. Не хватало специалистов, способных вести сапёрные работы.

Да и сами военные силы были тогда очень невелики. По-прежнему большую часть составляли стрельцы.

За те пять лет, пока Пётр перемежал серьёзную учёбу с весёлыми кутежами в Немецкой слободе, страна серьёзно деградировала по сравнению со временем правления Софьи. Власть просто развалила русскую армию: причём не устаревшие, как обычно думают, стрелецкие полки, а самые современные по тем временам регулярные войска иноземного строя.

Войска эти с огромным трудом создавали сначала отец Петра – царь Алексей Михайлович, а затем князь Василий Голицын. Куда делись более 60 тысяч хорошо обученных солдат, непонятно.

Преображенские «потехи» Петру, конечно, многое дали, но всему научить не могли. Реальная война проэкзаменовала царя с пристрастием и выставила твёрдый «неуд». Единственным трофеем похода был пленный турок, которого водили по улицам Москвы и показывали любопытным.

А вот крымские действия воеводы Шереметева были более успешными, его армия заняла две турецкие крепости: Кызы-кермен и Таван. В Таване построили укрепление – будущий опорный пункт для движения к Чёрному морю.

Азовская же «конфузия» была грандиозной: Пётр потерял не меньше людей, чем в своём крымском походе Василий Голицын. А ведь – формально – именно за этот провал Пётр и отправил Голицына в ссылку.

Поражения князя и молодого царя очень похожи.

Но вот реакция из них оказалась абсолютно разной. В то время как князь (переживая свою неудачу) впал в жестокую депрессию, молодой царь продемонстрировал неплохое умение извлекать уроки из поражений и запаса фантастической энергией, направленной на достижение цели.

Историки считают, что собственно говоря – именно после азовской «конфузии» – и родился Пётр Великий.

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Так что от этой первой неудачи царское величество духом не упало. Есть способ овладеть крепостью! Вот отрежу от моря, и тогда туркам не прибдет никакая подмога!

Но казачьи челны не могли выполнить этой задачи, а Пётр жаждал реванша.

И он решается на – в общем-то, не совсем возможное – в несколько месяцев построить мощные, вооружённые пушками корабли, способные выдержать любой открытый бой.

Прощаясь с атаманом перед отъездом в Москву, государь наказал: *«Береги, Минаич, сии башни-каланчи и жди меня с флотом в Черкасске по весне. Клянусь Богом – Азов будет российским, как и был преж того!»*

В следующем году Пётр специально остановится у Минаева. А после победы в честь атамана прогремит именной салют, а главное – дети его получают на тридцать лет заветную власть.

За это Минаев будет отчаянно штурмовать азовские укрепления и захватит с казаками часть стены так, что принудит азовцев к сдаче.

Флот нужен был и для решения другой задачи: перевозки артиллерии, боезапаса и войск речным путём. И потому царь-реформатор медлить не стал.

27 ноября 1695 года обнародован указ о предстоящем новом походе. Пётр Алексеевич писал воеводе Фёдору Матвеевичу Апраксину, что по возвращении в Москву *«от невзятия Азова, с консилиии господ генералов»* решено *«к будущей войне делать галеи (галеры)»*. И в качестве транспортных средств *«1300 стругов, да 30 лодок морских, да 100 плотов к нынешней вешней полой первой воде»*.

В подмосковном Преображенском спешно соорудили верфь, и «зачалось» строительство брандеров и галер. Работников – на заготовку и перевозку леса, на лесопильные заводы, на выработку канатов, парусов, на отливку пушек – везли с самых дальних уголков страны.

Пётр посылает в Австрию и Пруссию за инженерами, минёрами, подкопщиками; мобилизует всех корабельных мастеров и плотников, получивших опыт судостроения на Переяславском озере и Белом море; призывает знатоков корабельного дела из приречных городов.

Костяком строителей нового флота стали солдаты и офицеры Семёновского и Преображенского полков.

Кстати. Говорят, что именно отсюда, со времён подготовки Азовской баталии, и дошла до наших дней довольно странная традиция военных отвечать на приказ словом «Есть».

Гребцов-каторжников царю на галерах хватало, а вот специалистов – с гулькин нос. Пётр отрядил на корабли солдат из «потешного» войска, а для их обучения нанял англичан с торговых кораблей, зимовавших в Архангельске.

Охотников перейти на русскую службу сыскалось немного – всего по два человека на галеру, и, *«дабы учёба была преуспешной, а время не попусту протрачивалось»*, ученики должны были повторять все действия учителей. Ну, все – так все. И на британский приказ русские солдаты отвеча-

ли: «Yes, sir!». Но понимали не как «Да, сэръ», а по-своему: с русским акцентом получалось «есть». Оно, вроде бы, и понятно: есть приказание – и пошёл выполнять.

Ответ был несложным и прижился – сначала на флоте и в гвардии, а потом перешёл в армейский устав.

Под личным надзором молодого царя работа закипела: спешно рубили в дремучих воронежских лесах огромные сосны и дубы; в самом Воронеже также день и ночь стучали топоры и молоты, визжали пилы.

И всё это – под отборный отечественный мат. Который, как известно, всегда помогает русскому мужику. И не только мужику. Различные весёлые выражения постоянно встречаются в письмах самого самодержца.

Современники писали, что и сам самодержец с топором в руках трудился без усталости, показывая пример мастерам. «По приказу Божию прадеду нашему Адаму, в поте лица едим хлеб свой», - говорил он о себе.

Ещё современники рассказывают, что при штурме Пётр старался показать пример; своими руками наводил пушки и метал бомбы в осаждённый город; сам с инженерами вёл подкопы и рыл траншеи.

А царевна Наталья писала брату из Москвы, умоляя беречь себя и не подходить близко к турецким пулям. Пётр отвечал шуткою: «По письму твоему, я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи, чтобы не ходили», - и продолжал работать в передовых окопах.

Современники могли, конечно, и польстить. Может быть, перетруждался не здорово. Даже, скорее всего. Во-первых, царь. Во-вторых, и без того куча дел. В-третьих, что ж это за верноподданные, которые не защищают своего государя?

Но молодому парню (ещё даже четверти века нет, адреналин так и прёт!) – весёлому, здоровому, не обременённому никакими бытовыми проблемами – отчего бы и не поиграть в землекопа, канонира и плотника?

А 26 тысяч таких плотников за одну зиму построили первый Российский флот. Специально для взятия Азовской крепости.

Сроки фантастические по тем временам!

Состоял новый флот из четырёх брандеров, двадцати трёх галер и множества стругов, морских лодок и плотов. Возглавляли это парусное великолепие два 30-пушечных корабля: «Апостол Пётр» и «Апостол Павел».

Адмиралом царь назначил давнего любимца Лефорта.

Снаряжали и сухопутные войска. К весне сформировали три дивизии – 75 тысяч пехотинцев. Но теперь все они были под началом одного человека – Алексея Семёновича Шеина. Этому воеводе вменялось в обязанность основательно заняться инженерной подготовкой армии и укреплением воинской дисциплины.

Параллельно готовились и войска боярина Бориса Шереметева. Задача всё та же – фальшивая демонстрация в низовьях Днепра.

Собирать суда начали в первых числах марта. Мобилизовали все окрестные сёла. Сначала корабли – на 200 человек каждый – перевезли в Воронеж, откуда по Дону они уже могли спуститься к морю. Приток Каланча обеспечивал выход галер в море в обход Азова. И этим обстоятельством Пётр успешно воспользовался.

15 мая четыре галеры бросили якорь у Черкасской пристани. Галерой «Принципиум» под именем Петра Алексея командовал царь.

Атаман Фрол Минаев встретил капитана Петра Алексея пушечным салютом.

А царственный капитан торопился. Он хотел обеспечить себе преимущество внезапности – под Азовом надо быть раньше, чем турки узнают о передвижении русских войск. К тому же, половодье – категория совсем недолговечная.

Через день казачий дозор заметил в устье два стамбульских корабля.

Мысль разделаться с ними была очень заманчива. Очистить устье Дона от турок – обеспечить выход в море и заблокировать Азов!

Это обстоятельство заставило Петра начать боевые действия раньше, чем в Черкасск прибыл Шеин и успели подойти другие отряды галер.

Пехоте царь поручил занять Каланчинский остров.

19 мая, к ночи, 9 галер и 40 минаевских казачьих лодок вышли на разведку – по Каланче и Кутюрме – к морю. Замыкала караван царская галера. Но пришлось остановиться, так как *«за мелиною устья пройтись было невозможно, потому ветер был свирепый и водицу всю в море сбил»*.

Выяснилось и другое обстоятельство – вовсе тут не 2 турецких корабля, а 13. И много лодок. Пётр вернулся в Новосергиевск.

Донцы же вырвались в море и заметили вереницу мелких транспортных судов с припасами. Порох, свинец, продовольствие и главное – золото. Как потом выяснилось – целых 50 тысяч дукатов! С таким подвозом турки могли вообще не беспокоиться осадой.

Минаев предлагает не медлить с атакой. Пётр соглашается.

Если внимательно вчитываться в исторические документы, то становится ясным, что окружение Азова фактически совершат челны именно атамана Фрола Минаева – ведь московские корабли при всём желании не могли выйти в море по обмелевшим донским рукавам.

Собрав около сотни казачьих стругов, атаман повёл их прямо на османские грузовые суда. Неожиданная атака дала результат – и потопили, и захватили, и посадили на мель. Оставшиеся – в замешательстве стали спешно сниматься с якоря. Два корабля не успели поднять паруса, и один – сожгли казаки, другой – сами янычары.

Таким образом, минаевцы лишили, хотя бы на время, заблокированный гарнизон боеприпасов и продовольствия. Да ещё и преподнесли государю очень неплохие трофеи – несколько тяжёлых ка-торг, полных свинца, пороха и червонцев.

Первый подвиг Российского флота свершился!

И государев престиж не пострадал.

И государь самолично запишет: *«...взято: 300 бомбов великих, пудов по пяти, 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков и иного всякого припасу: муки, пшена, уксусу ренского, бекмесу, масла деревянного, а больше сукон и рухляди многое число; и всё, что к ним на жалованье и на сиденье прислано, всё нашим в руки досталось»*.

Пётр милостиво пожаловал казакам всё захваченное золото.

Почему же турецкие корабли боевого охранения не осмелились вступить в бой? Ведь на них на всех были грозные пушки. А на казачьих стругах – так, маленькие дробовички.

Почему? Да потому, что увидели турки впереди множество русских парусов.

Но откуда ж им было знать, что даже государев «Апостол Пётр» (не говоря уж обо всех остальных) на момент отплытия – не был ещё полностью закончен, и работы продолжались в походе. С отрядами боевых кораблей шли струги с лесными материалами, канатами, смолой.

То есть – как пишет Круглов – что *«впереди – мёрзлые протекающие дрова, которые даже не в состоянии выйти из рукава Дона в море. И тем более не боеспособные. Что казаки атакуют в таком малом количестве – без прикрытия!»*

Вот так, воюют не числом, а умением!

27 мая русский флот вышел в море.

Через две недели присоединились главные силы армии Петра. Подошли, кроме донских, и запорожские казаки гетмана Ивана Степановича Мазепы. Австрийский император (также находившийся в войне с Турцией) прислал опытных в военном деле инженеров.

Сухопутные войска создали кольцо осады под самыми стенами крепости. Против Азова (на прошлогодних долгоруковских укреплениях) – батареи, обстреливающие крепость, уже окружённую войсками Гордона, Головина и Регемана.

Минаевцы с запорожцами заняли левый фланг. Позиция считалась весьма опасной – сюда, со стороны Кагальника, постоянно направлялись атаки татарской конницы.

Атаки крымских войск, пытавшихся помешать осаде, были отбиты.

У устья Дона сосредоточились все русские галеры и брандеры. Таким образом решена была главная на этом этапе боевых действий задача: русский флот заблокировал Азов с моря.

Для того чтобы морскую блокаду сделать более эффективной, Пётр приказал в самом устье, на обоих берегах реки, построить по артиллерийскому форту. А в случае нападения эта береговая артиллерия должна была прикрывать стоявший на взморье русский флот.

Кто подал царю идею окружить Азов с моря? Это в исторических опусах не отражается – ну, как бы разумелось само собой. Но само собой такое не разумеется. Минаевская смекалка прослеживается и тут.

14 июня казачьи струги атаковали вошедшую в устье Дона турецкую эскадру с четырёхтысячным десантом. Она ушла, не досчитавшись двух кораблей. После этого турецкий адмирал затаился на две недели, а потом вообще снялся с якоря.

Пётр начал бомбардировку. Артобстрел продолжался полмесяца, подавил все огневые точки противника и вызвал в городе серьёзные пожары. Пленные *«объявили, что в городе от российского бомбардирования и пушечной стрельбы нигде без опасения быть не можно, что магазин с провиантом разорён и от того в городе уже немалый недостаток произошёл»*.

Успеху россиян содействовали и двенадцать иностранных офицеров – артиллеристы и минёры. Но желаемых результатов обстрел всё же не дал – валы и крепостные стены были весьма прочны.

Тогда царь велел засыпать глубокий крепостной ров и таким образом облегчить атаку.

Для выполнения этой гигантской работы ежедневно назначалось 15 тысяч человек, совмещающих земляные работы с рукопашным боем, так как осаждённые, конечно же, совершали вылазки. Но всякий раз безуспешно.

28 июня турецкий флот, наконец, решился подойти к берегу и высадить подкрепление, но как только русские галеры *«якори вынимать стали, чтоб на них ударить, и они то видя тотчас, парусы подняв, побежали»*.

В дальнейшем никаких действий с моря – для спасения крепости – уже не наблюдалось.

Шли дни осады. Россияне методично наращивали успех.

Янычары оказались в безвыходном положении. Отрезанный от моря и стеснённый правильной осадой, полуразрушенный ядрами русских пушек, Азов едва держался. А русские окопы с каждым днём подходили всё ближе.

Осаждённый гарнизон попытался наладить связь с находившимися в степи кубанскими татарами. Но на пути снова встали казаки.

Наконец, в ночь на 17 июля войска Гордона штурмом взяли угловой бастион. Кризис наступил назавтра – две тысячи казаков, отбив атаки кубанских татар, по собственному почину пошли на приступ.

Минаевцы и отряды черниговского полковника Якова Лизогуба внезапным ударом опрокинули передовые сотни турок и ворвались на земляной вал, составлявший внешнюю линию азовских укреплений. Но турки бросились в контратаку. Тогда донцы и запорожцы атаковали угловой бастион со стороны Дона.

Османе швыряли на головы атакующих горящие мешки с порохом – у них закончился свинец. Надо отдать осаждённым должное – они стояли до конца, отстреливаясь чем попало – даже монетами.

Казалось, победа – вот она! Но основные царские силы (как не раз случалось) казаков не поддержали. Минаевцы вернулись на вал и начали прямой обстрел крепости.

Пётр же определил, что настал решающий момент и назначил общий штурм на 22 июля. Но штурм не состоялся.

19 июля осаждённые, поняв безнадёжность своего положения, сдались на условиях свободного выхода из города.

А через три дня пала и крепость Лютик, прикрывавшая Мёртвый Донец. Свыше 30 пушек, немалые запасы ядер, ручных гранат, ружей – такой перешла она в руки казаков.

Всё!

Азов был в русских руках, а с ним вместе – и выход в Азовское и Чёрное моря.

Основная стратегическая задача, поставленная молодым монархом в данной кампании, была успешно решена.

«Радуйтесь!» - писал Пётр 20 июля 1696 года боя московскому губернатору Тихону Никитичу Стрешневу. - Ныне же радость наша исполнися, понеже господь Бог двалетние труды и крови наши милостию своею наградил: вчерашнего дня азовцы, видя конечную свою беду, сдались».

Чуть ли не главным условием почётной сдачи турецкого гарнизона стала для Петра выдача предателя Якова Янсена, успевшего стать мусульманином. Его царь считал для себя куда более важным трофеем, чем 92 турецкие пушки и весь остальной военный арсенал!

«В Москву его привезли на высокой телеге, на которой сделана была виселица, - пишет немецкий историк Готлиб Байер. - Возле преступника находились два палача с топорами. На груди у Якушки висела медная доска с надписью: «Сей злодей четырежды свой закон переменял и изменил и Богу и всему народу». Четыре раза Якушка менял свою веру, был в Римском законе, затем в протестантском, греческом, и наконец в магометанском. Сработала древняя мудрость: «Изменивший единожды, изменит не один раз».

Голландца – в огромной, карикатурных размеров чалме – с назиданием демонстрировали толпе, а потом казнили.

Уже после первого поражения под Азовом в народе пошли разговоры о том, что не может русская армия воевать под начальством иностранных офицеров, что в их среде немало изменников.

Жестокое наказание Янсена, с точки зрения Петра, должно было успокоить своих и предупредить иностранных специалистов.

Зато около двухсот турок отпустили из крепости с миром. В договоре было предписано: *«Турецкому гарнизону идти с жёнами и детьми на бударах до морского устья, пожитков столько взять с собою, сколько кто подымет, а всё прочее вместе с военной казной оставить в крепости».*

И хлеба казаки дали в дорогу столько, чтоб без нужды смогли они перейти степь.

Вот что пишет историк Евграф Савельев в своей «Истории казачества...»:

«Чрезвычайно довольный этим успехом, царь в сопровождении атамана и генералов прибыл в Черкасск...»

Минаев на правах хозяина дал роскошный пир в честь азовской виктории. Праздновали победу в обширном минаевском курене, лучшем в Черкасске. На пороге дома государя хлебом-солью встретили три сына Минаева, крепкотелье казаки, прошедшие под приглядом отца не одно сражение с врагами Дона и России».

А далее Савельев приводит слова Петра I:

«Господа! Давно и упорно стремились предки наши пробить желанный выход в море Азовское, а за ним – в воды Чёрного моря, но дело сие zelo трудное свершить им не удалось. Поднять труд сей тяжкий Господь положил на наши плечи, и мы с честью справились с оным! Азов отныне россиянам принадлежит. Виват храбрым россиянам! Виват казакам донским! Виват атаману Минаеву!»

Все вскочили с мест, весело чокаясь серебряными кубками, а государев денщик Александр Кикин выскочил на крыльцо, дал знак пушкарям, и тотчас канонада разорвала августовский воздух над Донской столицей. Небо расцветили огни фейерверка.

То был первый фейерверк и салют в истории России, данный в честь военной победы россиян. Потом ещё не раз будут греметь салюты в честь русского оружия, но тот, минаевский салют, так и остался первым...»

Вот и славна нынешняя станица Старочеркасская ко всем своим подвигам ещё и тем, что первый на Дону и в истории государства Российского салют был дан именно здесь – в честь взятия русскими войсками турецкого города Азова.

Собственно, такому (довольно быстрому) успеху россиян способствовала неожиданность вторичной осады Азова – ведь гарнизон за полгода не принял никаких мер к усилению крепости!

Турецкое командование даже не позаботилось разрушить укрепления и засыпать траншеи, сделанные русскими по осени. А между тем именно эти укрепления и траншеи, захваченные почти в полной сохранности, дали возможность быстро установить здесь пушки и начать артиллерийский обстрел крепости.

Историки пишут, что в организации и руководстве совместными действиями армии и флота по взятию Азова проявилась сила творческой военной мысли молодого Петра, его способность найти правильное решение сложных и трудных вопросов.

В этом отношении взятие Азова Петром I является ценным вкладом в развитие русского военно-морского искусства.

Ведь в Западной Европе в то время успешных совместных действий армии и флота почти не было. Британский военно-морской писатель Филип Коломб (которого никак нельзя заподозрить в том, что он охаивает историю своего флота) в своей книге «Морская война» приводит немало примеров очень неудачных совместных действий английского флота и армии против приморских крепостей.

А вот у России – получилось.

Но, опять-таки, не будь рядом с царём-батюшкой удалых казачур, неизвестно, как бы всё повернулось...

Что, кстати, и произойдёт в недалёком будущем при Прутской кампании.

В этом, втором, походе русские вполне доказали справедливость своей поговорки: за одного битого, двух небитых дают. Этот триумф, не столь уж и грандиозный в военном отношении (в конце концов, войска Петра взяли лишь одну, хотя и сильную крепость), оказался крайне важным в психологическом плане.

Во-первых, для самих россиян, отнюдь не избалованных в те времена военными успехами. После многих поражений на Юге удалось, наконец, разгромить – до того непобедимых – турок.

Во-вторых, этот успех, доказав правильность политики Петра, укрепил позиции молодого царя внутри страны.

А в-третьих, азовская победа довольно громко отозвалась на Западе. Теперь Пётр действительно мог гордо отправляться в Европу – корона выглядела поистине царской.

Но этой славной победой война не могла кончиться – Турция очень сильна. Надо было подумать о том, чтобы основательно укрепить Азов и не потерять сей *«ключ от моря»*.

Крепость передали донским казакам во главе со стольником Иваном Юрьевичем Бахметьевым, хотя комендантом царь назначил своего человека – князя Петра Григорьевича Львова.

Восстанавливать форпост начали тем же летом.

«Устройство» гавани и морского Адмиралтейства под Азовом Пётр поручил инженеру Де Лавалю.

Усилиями огромного количества снова согнанных отовсюду людей (ссылкой в Азов заменяли даже смертную казнь), крепость была восстановлена. Напротив возвели гавань – «Крепосцу Петровскую», окружённую широким каналом. Там находились 14 линейных кораблей, яхты и мелкие речные суда.

Оставив в Азове сильный гарнизон (свыше 8000 человек) и флот, Пётр в сентябре направился в Москву. Торжественно встретила столица победителей. Страна славилась, вместе с армией, также и своих моряков.

У специально воздвигнутых триумфальных ворот, через которые проходили победители, красовались две надписи: *«В похвалу прехрабрых воев полевых»* и *«В похвалу прекрасных воев морских»*.

А на почётной медали с изображением Петра было выбито: *«Молниями и водами победитель»*.

*

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ